

Глава 14. Деревенские пустыки. Жених радостно прибывает за суженым. Свадебные поклоны

—

Едва миновала середина часа Сы (~ 10:00), как со стороны въезда в деревню донеслись звуки флейт и барабанов — это прибыла свадебная процессия семьи Шэнь.

Как только они миновали край деревни, один человек из свиты вышел к обочине и поджег связку хлопушек. Раздался оглушительный треск, наполняя всё вокруг праздничным шумом. Деревенская ребятня тут же высыпала на улицу.

Впереди всех бежал крепкий, задорный мальчуган, а за ним тянулась целая вереница карапузов. На бегу он то и дело оглядывался, проверяя, не отстали ли остальные:

— Жених приехал за братом Линь Юэ! Скорее идите смотреть!

— Ого, какой он высокий! Выше всех здесь!

— Я тоже хочу быть таким высоким!

Один из мальчишек, пухленький карапуз, посасывая палец, невнятно пробормотал:

— Бабушка говорила, что жених даст нам конфет, это правда?

Рядом с ним семенил такой же пухленький маленький гер, который медленно отозвался:

— А моя сестра сказала, что конфеты будут давать только у ворот дома брата Линь Юэ.

— Почему? Я уже сейчас хочу... Ой!

Прожорливый малыш получил от сестры легкий щелчок по лбу:

— Глупый, брат Линь Ян только что говорил: мы должны перегородить вход и не пускать их, пока не дадут конфет!

— Но он такой высокий, а я такой маленький... Он же меня запросто за шиворот оттащит, что тогда делать?

— Ха-ха-ха! Ну и забавные же эти детишки! Хуайчжи, ты запасся конфетами? А то если тебя не пустят в дом, не вздумай их растаскивать.

Стайка детей не преграждала путь, а бежала вдоль обочины вместе с процессией, то и дело вырываясь вперед и возвращаясь назад, словно указывая дорогу. Процессия не замедляла шаг, лишь внимательно следила, чтобы никто из малышей не попал под ноги.

За раздачу сладостей отвечал двоюродный брат Шэнь Хуайчжи — Шэнь Яньчжи, который был немного озорным и, наслушавшись детской болтовни, решил подшутить над братом.

Шэнь Хуайчжи обычно был неразговорчив и на подтрунивания не отвечал, но сегодня, вопреки обыкновению, отозвался:

— Все конфеты у тебя, брат. Если не хватит — придется тебе самому детей на руки брать и уносить.

— Ха-ха! Яньчжи, ты-то справишься? Ты ведь не такой высокий, как Хуайчжи, дети тебя даже не заметили!

— Да ну вас! Справлюсь я, не чета вам!

С шутками и смехом группа уже подошла к повороту у дома семьи Линь. Увидев красную ткань, украшающую ворота, Шэнь Яньчжи поспешно окликнул идущих сзади с хлопучками:

— Маочжи, Цзиншань, быстрее, быстрее! Поджигайте! Только детей отведите, не напугайте ненароком.

— Идем, брат! Здесь поджигать?

Шэнь Яньчжи прикинул расстояние и махнул рукой:

— Пройдите еще несколько шагов вперед, здесь слишком далеко.

— Будет сделано!

Остальные, заметив у ворот дома Линь толпу любопытных, тут же выпрямились и умолкли. Музыканты, игравшие на гонгах, барабанах и суонах, приложили еще больше сил — их вид и звуки были преисполнены бодрости и воодушевления.

Шэнь Хуайчжи шел впереди всех. Рядом с ним следовали приглашенный свидетель и сваха, а также дяди со стороны отца и матери. Следом шли молодые люди, несшие паланкин, — в основном братья того же поколения и друзья Шэнь Хуайчжи. Музыканты с гонгами и барабанами распределились впереди и позади свадебного паланкина.

Свахой сегодня была та самая матушка Ли, что приходила свататься в первый раз. Она выступила вперед и с сияющей улыбкой громко провозгласила:

— Сегодня благословенный час и счастливый день, когда связываются узы двух сердец! В благородном доме всё украшено фонарями и лентами, царит великая радость. Жених с ликованием и искренним сердцем прибыл за суженым, и лишь надеется, что вы впустите его в дом, дабы в него вошли богатство и счастье!

Ворота дома Линь были распахнуты настежь, но та самая стайка детей уже перегородила вход. За ними стояли родители Линь Юэ и распорядительница праздника. Как только сваха закончила речь, распорядительница подхватила:

— Малые дети радостно встречают жениха, но без свадебных сладостей ворота не откроют!

Детишки, которые и так заждались, услышав это, подняли шум:

— Конфеты! Дайте конфет!

Они уже заметили, что мешочек со сладостями у Шэнь Яньчжи. Тот стоял как раз подле Шэнь Хуайчжи, и в мгновение ока их обоих окружили ребята. Куда ни глянь — повсюду были высоко поднятые детские ладошки.

Шэнь Яньчжи поспешно передал холщовый мешочек с конфетами Шэнь Хуайчжи, не забывая приговаривать:

— Не спешите, не спешите! Жених сейчас будет раздавать сладости.

— Братец, дай мне конфетку!

— Дашь конфет, тогда и пропустим!

Шэнь Хуайчжи попытался воззвать к порядку:

— Всем дам, каждому достанется. Пропустите нас, когда получите сладости, хорошо?

Он хотел было добавить что-то еще, но, видя, что детвора теряет терпение, быстро открыл мешочек. Сначала он протягивал по одной, но вскоре начал раздавать конфеты пригоршнями. Кроме детей, немало перепало и стоявшим рядом взрослым. Всюду звенел смех и радостные голоса.

Получив сладости, дети послушно расступились. Со ртами, полными конфет, они не забывали сладко называть его «братцем» и выкрикивать благоприятные пожелания, которым их научили старшие: «Сто лет согласия!» и «Вечного союза сердец!».

Шэнь Хуайчжи с улыбкой кивнул и ответил им со всей серьезностью, как взрослым:

— Благодарю вас за добрые пожелания.

Затем он низко поклонился родителям Линь Юэ и ступил во двор.

Как только он вошел, к нему навстречу вышли помощники из числа односельчан. Они проводили свиту жениха к столам в центре двора. Над чайными чашками поднимался пар — их явно наполнили только что. Тарелки с семечками и фруктами тоже были полны до краев.

Двоюродный дед Линь Юэ и его дяди сидели за соседним столом. Обе стороны молчаливо старались показать себя с лучшей стороны и сидели подчеркнуто прямо.

Примерно через время, нужное, чтобы выпить чашку чая, деревенские женщины, помогавшие на кухне, начали звать молодых парней разносить еду. Ароматная тушеная свинина, молочно-белый рыбный суп, благоухающая домашняя курица — разные запахи смешивались, не создавая беспорядка, а лишь сильнее разжигая аппетит.

Каждая тарелка была наполнена с горкой. Крепкие молодые люди с силой подхватывали красные подносы, уверенно водружали их на плечи и широким шагом разносили еду, выкрикивая: «Подаем блюда!».

За некоторыми столами сидели одни дети; их глаза, прикованные к плывущим мимо подносам, казалось, замерли. Какой-то смельчак громко крикнул:

— Сначала на наш стол!

Разумеется, разносчики не обратили на него внимания. Распорядительница строго наказала: первый поднос — на стол старейшин клана и почетных старейшин со стороны жениха, затем — остальным гостям жениха, и только потом всем остальным по порядку от дома к воротам.

На беду, вторым разносчиком оказался старший брат того самого крикуна. Мало того что ребенок не получил еды первым, так еще и удостоился сурового взгляда брата, что несказанно позабавило всех сидящих рядом.

Линь Ян, хоть и был еще мал годами, ростом уже вышел. Весь день он наравне со взрослыми хлопотал в заботах, и разнос блюд не обошелся без него. Только он даже не взглянул, за какой

стол подавать следующим, а с подносом в руках помчался напрямиком к комнате Линь Юэ.

— Брат, скорее открывай! Я принес тебе еду!

В это время Линь Юэ находился в комнате один — остальные ушли обедать. Услышав голос Линь Яна, он, отбросив сомнения, поспешно открыл дверь и, как только брат вошел, тут же запер её на засов.

— Зачем ты притащил целый поднос? Мама же сказала, что сама принесет мне еду чуть позже.

Линь Ян поставил поднос и только тогда осознал, что забыл положить рис. Он торопливо отозвался:

— Брат, подожди секунду, я сейчас сбегаю за рисом и палочками. Мама сейчас страшно занята, пока она доберется до тебя, сколько времени пройдет? Да и сколько она сможет принести за один раз? Куда ей до моей скорости!

Стол в комнате Линь Юэ был невелик, и восемь блюд теснились на нем вплотную друг к другу. Линь Юэ на мгновение оторопел, но руки его действовали быстро: он крепко схватил Линь Яна за локоть.

— Но зачем нести всё сюда? Тут же еды на целую компанию, разве я один справлюсь? И вообще, ты с матерью-то говорил? Где это видано, чтобы в комнату новобрачного еду подносами таскали!

— Говорил, говорил! Мама разрешила, не волнуйся. Я даже у главного повара спросил, и он сказал, что если я заберу один поднос, еды всё равно на всех хватит. Брат, я сначала принесу тебе чашку и палочки, а остальное обсудим потом! — С этими словами он пулей вылетел за дверь.

Линь Ян обернулся мигом: прошло всего мгновение, как он вошел с большой глубокой миской риса и протянул её вместе с палочками.

— Брат, ешь скорее!

Глядя на эту огромную миску, Линь Юэ не знал, растрогаться ему или ужаснуться. Чаша была раза в три больше тех, из которых они обычно ели дома, и наполнена рисом до самых краев. На этот раз он действительно растерялся:

— Зачем так много? Мне столько ни за что не съесть.

Линь Ян ответил с непоколебимой уверенностью:

— Поешь поплотнее. Я слышал, в некоторых семьях в первый день новому фулану еды не дают. Поешь сейчас побольше, чтобы вечером не голодать. А если они и впрямь вздумают тебя морить голодом — завтра же возвращайся домой, я сам пойду и разберусь с ними!

У Линь Юэ едва слезы на глаза не навернулись. Помолчав немного, он произнес:

— Что за глупости ты болтаешь? Где ты такое видел? И вообще, перед дорогой много есть нельзя. Сейчас в паланкин садиться, а его будет трясти и качать — если переем, худо станет.

Линь Ян упрямо насупился:

— В прошлый раз второй сын из семьи Чжоу, когда мы с ним играли, сам говорил: в тот день, когда его невестка вошла в дом, его мать ей маковой росинки во рту подержать не дала. Я это отчетливо слышал!

— Так ты сам сказал — семья Чжоу! У них вечно какие-то странности творятся, в приличных семьях так не поступают.

Линь Ян всё еще сомневался, но сегодня ему совсем не хотелось пререкаться с братом, поэтому он сменил тон:

— Ну тогда выбери то, что тебе больше нравится, и хорошо поешь. До того как паланкин тронется, еще целый час* — как раз успеешь поесть и всё переварится.

[*Шичэнь (shíchēn, 时辰) — это традиционная китайская система измерения времени, в которой сутки делятся на 12 равных периодов. Каждый такой период длится 2 современных часа. Соответственно, когда говорится 1 час это 2 современных часа, четверть часа это 30 минут.]

Линь Юэ почти никогда не ел в одиночестве, ему всегда казалось, что без компании еда не такая вкусная. Глядя на Линь Яна, он спросил:

— Сходи посмотри, освободилась ли мама. Если да, пусть придет пообедать со мной. Или ты посиди со мной.

Линь Ян кивнул:

— Я посмотрю. Мне еще нужно немного помочь, а то они уже смеются, что я отлыниваю. Я попрошу маму прийти к тебе.

— Тогда беги скорее. Я начинаю есть, а ты, как закончишь с делами, тоже обязательно поешь.

— Понял, брат. Я пошел!

Вскоре вошла Чжоу Вэньлань:

— Даже поесть спокойно не можешь, такой взрослый уже, а всё тебе компания нужна. Не боишься, что люди засмеют?

Линь Юэ это ничуть не заботило:

— Пусть смеются, мне-то что. Я просто хотел, чтобы мама со мной посидела.

Чжоу Вэньлань с удивлением окинула взглядом ломящийся от яств стол:

— Я ведь велела Линь Яну положить всего понемногу в маленькие мисочки, а он вот как — притащил всё целиком! Неудивительно, что твоя тетушка из семьи Чжун только что мне говорила да всё просила сходить приглядеть за Линь Яном.

— Впрочем, и ладно. Было бы совсем нехорошо, если бы ты на собственной свадьбе не попробовал праздничных блюд. Повар всё равно приготовил с запасом на два стола, так что от этого не убудет. Кстати, пока шла сюда, слышала, как гости хвалят еду. Тебе-то как на вкус?

— Очень вкусно.

Линь Юэ только что внутренне ворчал, что слова Линь Яна явно приукрашены, но, услышав это, сразу передумал спорить — еда сейчас была важнее.

Закончив обед, Линь Юэ отошел в сторону прополоскать рот и заново нанес помаду. Чжоу Вэньлань убрала посуду со стола и позвала Линь Яна, чтобы тот всё вынес.

— Ты посиди пока, время уже подходит. Скоро Жань-гер с остальными придут составить тебе компанию.

Линь Юэ снял старую одежду, которую специально надел для еды, и переоделся обратно, кивнув матери.

Снаружи Шэнь Хуайчжи и его спутники уже пообедали и пили чай. Группа встречающих была объектом пристального внимания деревенских помощников: им столько раз подкладывали добавку, что почти каждый почувствовал, каково это — объесться до полусмерти.

К счастью, благоприятный час был назначен на середину часа Вэй (~ 14:00). Путь от деревни Юйшуй до дома семьи Шэнь в деревне Линьшуй занимал максимум три кэ* (~ 45 минут), так что время передохнуть еще оставалось.

[* Кэ (𠄎, Кè) – это единица измерения времени, обозначающая одну сотую часть суток, то есть примерно 14.4 минуты.]

Когда деревенские помощники перемыли посуду, всё прибрали и сдвинули столы со стульями в сторону, освобождая место, встречающие снова заиграли в суоны. Шэнь Хуайчжи и остальные поднялись и медленным шагом направились к комнате Линь Юэ.

Если ворота во двор преграждали дети, то у дверей комнаты стояли друзья Линь Юэ, его сверстники, братья, сестры и невестки. Шэнь Хуайчжи проявлял максимум мягкости и терпения: он ответил на все вопросы, раздал «радостные деньги» и, пройдя все испытания, наконец получил дозволение войти.

В комнате было много народу, стоял шум и смех, но Шэнь Хуайчжи словно ничего не видел. В его глазах был только Линь Юэ, облаченный в красное, прикрывающий лицо круглым веером и чинно сидящий на кровати.

В миг, когда их взгляды встретились, Шэнь Хуайчжи показалось, что глаза Линь Юэ подобны чистому источнику, в котором мерцают блики, словно бегущая вода, вызывая в его сердце ответную рябь.

Неизвестно, сколько бы он так простоял, если бы не понукания окружающих:

— Скорее неси нового фулана в паланкин!

Шэнь Хуайчжи растерянно закивал, руки и ноги внезапно перестали его слушаться. Лишь спустя время, под добродушный хохот толпы, он подхватил Линь Юэ на спину.

Как только теплое тело прижалось к его спине, Шэнь Хуайчжи весь напрягся, дыхание участилось. А когда Линь Юэ рукой, державшей веер, оперся о его плечо, у Шэнь Хуайчжи мгновенно покраснели кончики ушей.

К сожалению, Линь Юэ этого совсем не заметил. Его рука с веером слегка дрожала, ресницы

трепетали, пока он пытался сдержать подступившую к глазам влагу. Однако в голове стоял образ родителей, провожающих его взглядом, а боковым зрением он видел Линь Яна, неотступно следовавшего за ними. В конце концов, Линь Юэ сдался и просто поднял веер выше, закрывая глаза.

Шэнь Хуайчжи почувствовал, как на его затылок упала капля воды. Поняв, что это, он внезапно замедлил шаг и стал выходить со двора, делая долгие паузы после каждого шага.

Однако, как бы медленно он ни шел, расстояние от комнаты до ворот составляло всего несколько десятков шагов. Наконец Шэнь Хуайчжи остановился перед свадебным паланкином.

Он бережно опустил Линь Юэ внутрь, не поднимая на него глаз, и тихо произнес: «Не волнуйся», после чего занавес паланкина опустился.

Только тогда Линь Юэ достал платок, прижал его к лицу и осушил скатившиеся слезинки.

— Поднимай паланкин!

В момент подъема паланкин качнуло, и Линь Юэ чуть не ударился головой. В это мгновение он услышал снаружи знакомый голос, перемежающийся с одобрительными возгласами и шутками:

— Прошу всех идти поустойчивее, времени у нас достаточно.

— Не волнуйся, старший брат Хуайчжи, мы понесем фулана со всей осторожностью.

— Не ожидал, что Хуайчжи окажется таким заботливым.

— Ха-ха, если уж жених не будет заботливым, то кто тогда...

Дальше посыпались шутки, но Линь Юэ уже не слушал — он выпрямился и погрузился в свои мысли.

Предстояло отправиться в незнакомое место, где все, кроме Шэнь Хуайчжи, видевшегося с ним лишь пару раз, были чужими. Сердце Линь Юэ было полно смятения.

Лишь когда снаружи послышались звонкие детские голоса, Линь Юэ пришел в себя. А разобрав, что именно они кричат, он и вовсе оцепенел.

— Новый фулан приехал! Идите все смотреть!

— Старший брат Хуайчжи привез фулана!

...

Разве он не только что сел в паланкин? Как же они так быстро добрались до дома семьи Шэнь? Ведь говорили же идти медленно... Неужели он так глубоко задумался, что потерял счет времени?

Линь Юэ поспешно поднял веер к лицу. Он только что плакал и не знал, как теперь выглядит — вдруг макияж потек? Лучше прикрыться поплотнее.

И действительно, вскоре после детских криков паланкин остановился.

Линь Юэ, опустив глаза, молча приткнулся к спине Шэнь Хуайчжи. Беглый взгляд по сторонам показал, что кругом сплошь незнакомцы, и все они уставились на него. Он невольно опустил голову еще ниже, так и не успев толком рассмотреть двор семьи Шэнь.

Войдя в главный зал, Шэнь Хуайчжи наклонился и опустил Линь Юэ на пол. Весь пол был устлан сосновыми иглами — это делалось для того, чтобы ноги нового фулана не касались земли, а также в знак доброго пожелания долголетия, ведь сосна вечнозеленая.

Родители Шэнь величественно восседали на почетных местах, распорядитель стоял сбоку. Увидев, что пара заняла свои места, он взмахнул рукой, и люди снаружи начали поджигать хлопушки.

Как только треск утих, распорядитель громко провозгласил:

— Сегодня благословенный час, союз двух фамилий, договор, заключенный в этом зале...

После череды благословений началась церемония поклонов:

— Первый поклон — Небу и Земле!

Линь Юэ и Шэнь Хуайчжи, следуя словам, совершили земной поклон, пока распорядитель не выкрикнул: «Обряд завершен! Проводите молодых в опочивальню!».

Шэнь Хуайчжи снова подхватил Линь Юэ на спину и понес в их новую комнату.

Только когда они вошли внутрь и все окружающие удалились, Линь Юэ облегченно выдохнул. Про себя он невольно посетовал: «Почему я раньше не замечал, что так боюсь встречаться с незнакомцами!».

На улице еще стоял день, солнечный свет проникал сквозь окна, делая комнату светлой. Линь Юэ сидел на кровати и украдкой рассматривал обстановку.

—

<http://bllate.org/book/17206/1612563>